

Феликс Кохрихт

Odessa Classics: первый юбилей

В первую декаду июня в нашем городе прошел Пятый международный фестиваль Odessa Classics, ставший не только юбилейным, но и внешним в Европейский гид по крупнейшим событиям в культурной жизни континента. Если и раньше фестиваль привлекал внимание известных общественных деятелей, дипломатов музыкантов, критиков и продюсеров зарубежья, то нынче и в залах оперного, и филармонии, и в музеях, и в других локациях иностранная речь слышалась гораздо чаще.

Большое значение для достойного формирования образа Одессы, ее культурной и туристической составляющей сыграли презентации фестиваля, которые его президент Алексей Ботвинов проводит в столицах и знаковых городах Европы. Не

посредственно перед открытием нынешнего фестиваля он играл в Цюрихе со знаменитым тамошним Камерным оркестром. И вот

уже этот ансамбль, руководимый одним из лучших скрипачей современности Даниэлем Хоупом, трижды выступил в Одессе.

И еще одна традиция – Алексей Ботвинов уже во второй раз провел в рамках фестиваля конкурс юных пианистов памяти своего педагога, профессора Одесской консерватории Серафимы Могилевской, а победившая в нем киевлянка Мария-Луиза Плешакова выступала на концерте опен-эйр наряду с мастерами мирового уровня. Еще три школьницы – скрипачки из Киева, Львова и Одессы – сыграли на сцене нашего оперного театра в Концерте Вивальди для четырех скрипок, где первую партию вел сам маэстро Хоуп.

Для меня и многих поклонников фортепианной игры важно то, что Алексей Ботвинов на каждом фестивале приглашает в Одессу выдающихся маэстро нашего времени: на сей раз – Сиприана Кацариса (Франция) и Петро де Мариа (Италия).

Изначальная отличительная особенность одесского фестиваля – выставки произведений изобразительного искусства. На сей раз были специально сформированы и реализованы в музеях города два масштабных проекта: «Музыка сфер» – в Музее современного искусства, и «Лаборатория Орфея» – в Музее западного и восточного искусства.

Программа фестиваля была и насыщенной, и разнообразной. О выдающихся музыкантах и ансамблях уже опубликованы репортажи, выходят аналитические материалы музыковедов и критиков. В этих заметках с пятого фестиваля – публикую их в альманахе, начиная с первого, делюсь с нашими читателями впечатлением о том, что увидел и услышал, и что продолжает меня волновать и сегодня – спустя лето.

Не горюй!

Начну с проекта, посвященного жизни и творчеству выдающегося композитора современности Гии Канчели. В Одессе состоялась мировая премьера посвященного ему канадского фильма «Тишина между нот» (авторы – Ольга и Григорий Антимони), а в филармонии сочинения Канчели исполнили Алексей Ботвинов, Полина Осетинская, Юлий Милкис, Камерный оркестр под управлением Игоря Шаврука.

Быть слушателем первого исполнения произведения, если знаком и с композитором, и с исполнителями, и с дирижером, – большая удача. Она и выпала мне в этот вечер.

С родителей Алексея Ботвинова (он сейчас играет «Вальс-бостон» – подарок Канчели любимой жене, с которой никогда не танцевал) я начну предаваться воспоминаниям, навеянным еще и пушкинской фразой: «Бывают странные сближенья...». Да что там странные – поразительные!

Итак, мать Алексея, концертмейстер и преподаватель Одесской консерватории Вера Беляева. С ней в конце 60-х годов минувшего века мы с Татьяной познакомились у Раисы Исааковны Ойгензихт, любимой и почитаемой учениками – и в музыке, и в жизни. Тогда же – и с супругами Милкис: пианисткой Марьяной и скрипачом Яковом, родителями девятилетнего Юлика. Малыша Алешу в гости еще не брали, а вот будущий знаменитый кларнетист лазил по деревьям дачи на Большом Фонтане, и наш друг, художник Лев Межберг, запечатлел его в образе юного музыканта, играющего на кларнете среди зеленой листвы.

Фотографию этой великолепной работы (картина – в музее) я успел разыскать к мировой премьере фильма «Тишина между нот» и показать ее на экране зала ЕКЦ «Бейт Гранд».

Именно Люсик познакомил нас Раисой Исааковной. Важно и то, что он, уехавший в 70-е в Америку, ставший известным художником, был и знатоком классической музыки, дружил с музыкантами и композиторами, среди которых был и Гия Канчели. О своей встрече с ним в Италии Межберг написал в воспоминаниях, которые недавно опубликовал альманах «Дерибасовская – Ришельевская».

Но вернемся к нашему знакомству с Раисой Исааковной. Поразительно, трудно поверить, но эта встреча оказалась не началом знакомства, а его продолжением. Летом 1941 года, когда из осажденной Одессы чудом выбирались те, кому будущая оккупация сулила гибель, по пыльной, раздолбанной бомбами Николаевской дороге шла моя мама, несущая на руках меня, младенца. Нашей попутчицей была женщина с мальчиком постарше. Не стану приводить подробности ситуации (она трагична), которая врезалась в память Раисы и заставила ее на годы запомнить

мою маму Соню и ее огненно-рыжего и болтливого не по возрасту пацанчика с редким именем Феликс...

Четверть века спустя она узнала меня – назвала по имени, взрослого, но по-прежнему разговорчивого журналиста. И мы сразу стали своими за столом в небольшой коммуналке в здании общежития музучилища и консерватории, располагающегося и сегодня на улице Мечникова. С нами рядом сидели Вера Беляева и ее супруг, певец Анатолий Дуда, воспитавший Алешу, Милкисы с Юликом, сосед снизу – Игорь Шаврук, тогда еще не дирижер (называю тех, кто причастен к концерту), а еще – Межберги, Дина Михайловна Фрумина, написавшая превосходный портрет хозяйки дома, Стаховские...

Раиса Исааковна славилась пирогами, испеченными на крохотной импровизированной кухоньке, и знаменитым чаем, а ее супруг Семен Исаакович Горовиц (двоюродный брат великого пианиста) – своими воспоминаниями о том, как в годы нэпа он и доктор Циклис собирали деньги на покупку пианино Додику Ойстраху, который как раз вчера прислал из Лондона свою фотографию со скрипкой...

Алеша Ботвинов в эти дни увлеченно играл в футбол во дворе «сталинки» на Пироговской, но, по воспоминаниям Веры, уже подходил к фортепиано с серьезными намерениями...

Примерно в то же время я познакомился с московским сценаристом Олегом Осетинским, который работал на Одесской киностудии над очередным фильмом. Он был известен тем, что по своей методике и особыми воспитательными приемами добился того, что его маленькая дочь Полина овладела незаурядным мастерством в игре на фортепиано. А еще проявила себя яркой творческой личностью с сильным характером. Такой я тогда и увидел Полину на аллее киностудии, ведущей к морю, а годы спустя – на концерте опен-эйр нашего фестиваля, уже знаменитой, приехавшей в Одессу с маленькой дочкой.

Итак, как в детективном романе Агаты Кристи, в зале Одесской филармонии уже собрались почти все, кто причастен к концерту, посвященному Гии Канчели, который вот-вот начнется... Алексей Ботвинов, Юлий Милкус, Полина Осетинская, Игорь Шаврук. Не хватает только Гии Канчели: он очень хотел быть и на премьере фильма,

и на концерте, но подвело здоровье. И тут самое время спросить у меня: «А входит ли этот композитор в круг ваших знакомств?».

Отвечу так: есть вероятность того, что я видел и слышал его весной 1944 года. Это вполне могло случиться в то время, когда миллионы людей, проживавших в разных концах огромной страны, гонимые войной, покидали родные места и неожиданно оказывались в иных краях, о которых ранее только читали в учебниках географии или в романах и повестях...

Вернемся в лето 1941 года, когда мы с Раисой и ее сыном все-таки дошли до Николаева и простились на Варваровском мосту, который вскоре разбомбили фашисты. Дальше – через Кубань – добрались до Кавказа, где нас приютили жители грузинского горного городка Душети. Мы были здесь единственной эвакуированной семьей и испытали всю степень душевности и гостеприимства этих людей, которые и сами нуждались, но приняли нас как родных. И все же однажды меня, уже четырехлетнего, лениво укусила пробегающая собака, которую никто не знал, и фельдшерница заподозрила в ней склонную к бешенству.

И вот мы с мамой 10 апреля 1944 года в Тбилиси, в больнице, где мне делают первый из положенных 40 уколов в живот. Отчетливо помню (именно с этого момента – помню *все*), как я орал, и как на меня грозно цыкнула мама, и я затих. По радио передавали о том, что 10 апреля наши освободили Одессу от захватчиков. Мама заплакала от радости. Затем поднесла меня к распахнутому окну палаты на первом этаже, и я услышал, как переговариваются парни, стоящие под шелковицей (тутой!). Звучала и грузинская, и русская речь.

Почему я полагаю, что среди этих тбилисских хлопцев был (мог быть) Гия? Да потому, что он – 80-летний благородный батона Канчели, именно так рассказывал об этом периоде своей жизни Юлию Милкису в фильме «Тишина между нот», который я презентовал вчера, будучи ведущим на мировой премьере!

Разумеется, в этом фильме Гия Канчели говорит не о том, как весной 1944 года его слышал маленький еврейский мальчик из Одессы, он вспоминал свои детство и отрочество в Тбилиси военных лет, и в этих воспоминаниях было и о том, как они с приятелями часами стояли весной под шелковицей и говорили о том,

о сем, и думать не думали, что я их мог слышать. И нынче знать не знает, что я спустя целую жизнь вспомню об этом на концерте в Одесской филармонии. Вспомню под рояль Ботвинова и кларнет Милкиса, когда одно за другим зазвучат музыкальные послания Гии друзьям, большинства из которых уже нет с ним и с нами.

Среди его адресатов – знаковые фамилии, узнаваемые многими в зале, но после концерта Олеся Баглюкова спросила меня о том, почему же не было среди них Георгия Данелии, с которым Канчели создал столько блистательных фильмов. Фантазмагорическая музыка из «Кин-дза-дзы» только что прозвучала в «Маленькой данелиаде», которую артистично и креативно исполнили Алексей Ботвинов и музыканты Камерного оркестра Шаврука. Почему же среди посланий ушедшим нет адресованного другу-режиссеру? Я сначала не нашел этому объяснения, но затем сообразил: когда Канчели писал эти мемориальные эпистолы, Данелия был жив.

...Пора завершать эти воспоминания. Напомню лишь о том, что в фильме «Мимино» командир вертолета Мизандари ведет свою машину над горной долиной и поет непереводимую магическую «Читу-Гвриту». Недавно, уже после ухода Данелии, я узнал, что картина эта снималась вблизи Душети – и будто бы и сам увидел с высоты домики под ореховыми деревьями, в одном из которых я жил с мамой.

А вот в заголовок этих заметок я вынес заповедь, которую произносит ровесник нынешнего Гии – старый врач в еще одном моем любимом фильме Данелии – Канчели: «Не горюй!».

Танго: Пушкин – пафос и страсть

После концерта под девизом «Tango sensations», прошедшего в филармонии под гром оваций, сел за компьютер, чтобы записать впечатления, как вдруг куранты на церкви на углу Белинского и Базарной возвестили, что наступило 6 июня. Начинаясь день рождения Александра Пушкина, которому нынче исполнилось 220 лет. На земном шаре есть несколько городов, где отпраздновали этот юбилей с особым чувством родственной сопричастности, и среди них – наша Одесса.

Вот почему увиденное и услышанное в минувший вечер на действе, созданном музыкантами ансамбля виртуозного скрипача Майкла Гуттмана и знаменитой виолончелисткой Цзин Чжао, приобрело особый смысл.

Не помню, кто, но знаю, что о Поэте было сказано: «Веселое имя – Пушкин!». И, без сомнения: музыкальное. На сюжеты его романа «Евгений Онегин», повестей, драматических произведений, поэм, сказок и стихов созданы великие оперы, знаменитые балеты, циклы романсов...

Есть картина Репина, на которой пылкий лицеист читает свои стихи старику Державину. Стройный юноша дерзновенно поднял руку, заявляя о том, что пришел в отечественную поэзию и мировую литературу. Безусловно, на выпускном балу в Царскосельском лицее юноши танцевали с великосветскими барышнями – и Горчаков, и Пущин, и Кюхельбекер, и Александр Пушкин – ловкий и влюбчивый. Какие танцы разучивали лицеисты? Могу взглянуть в Интернет, но попробую угадать: менуэт, мазурку, кадрили...

Сегодня мне представилось, что доживи Пушкин до XX века, непременно стал бы танцевать танго. В нем есть то непередаваемое и пьянящее, что составляет суть драм и трагедий, содержащихся в сюжете и пафосе, духе и развязке «Пиковой дамы», «Евгения Онегина»... Его герои – Германн, Онегин, Алеко, Сильвио, персонажи «Маленьких трагедий» – от Дон Жуана до Фауста – при кажущейся, да и явной харизме, заведомой победительности все же фатально обречены на фиаско, которое ожидает их в конце так славно начинавшейся партии, да и жизни.

Рискну предположить, что драматическое, порой трагическое противоречие между ожидаемым триумфом и сокрушительным итогом игры и составляет философию души этого танца, придуманного в Аргентине. Но, может быть, главное самодостаточное танго всех времен и народов – опера «Кармен», где гибнут все главные персонажи: Кармен, Хосе и другие, включая Быка, но и Тореро тоже не вечен: уже подрастает внук того торо, которого он завалил на арене в честь Кармен.

И раз уж мы наслаждались звуками танго на концерте в Одессе, то вспомним Остапа Бендера – героя романов Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок».

На сцене оперного театра маэстро Хоуп и юные скрипачки из Киева, Львова и Одессы исполнили концерт Вивальди в сопровождении Цюрихского камерного оркестра

В зале филармонии звучала музыка Гии Канчели. Полина Осетинская и Юлиан Милкис

Итальянский пианист Пьетро де Мария

Майкл Гутман и его ансамбль в проекте «Tango Sensations»

Концерт open air на Потемкинской лестнице

Даниель Хоуп, Алексей Ботвинов и Цюрихский камерный оркестр. Звучит музыка Джорджа Гершвина

Вот каким мы увидели это действо глазами музыкального дрона

В «Теленке» великий комбинатор танцевал танго. Знаменательно, что он сжимал в объятиях не прелестную Зосю Синицкую, не разведенку мадам Грицацуеву, не Людоедку Эллочку, способную на рискованные па, а картонную канцелярскую папку «Дело» с бязевыми тесемками, в которой содержались вожделенные миллионы мошенника Корейко. Но в том-то и дело, что не пиастры, не дублоны, не доллары Североамериканских соединенных штатов, не нэповские червонцы, а их фикции (если по-научному) или мечты – их вожделенный образ. А мечта Остапа была такая: жить в Рио-де-Жанейро, где все в белых штанах. Мы с вами знаем из учебника географии, что в этом знойном бразильском городе танцуют огненную самбу, а страстное танго – дитя Аргентины...

Уверен, что Ильф и Петров знали об этом, но к чему уточнять такие географические подробности, когда авторам плутовского романа было и так известно, что хитроумного сына турецко-подданного ждала та же незавидная участь, как и военного инженера из немцев Германна, цыгана Алеко, дворянина Онегина и гишпанского мачо... Дон Жуана.

Танго – такой танец, где мужчина заранее обречен если не на поражение, то на разочарование. Разумеется, если это не спортивные танцы.

Кстати, признаюсь, что в антракте этого волнующего чувства и воображения концерта я неожиданно для себя громко сказал: «Сегодня в этом зале – много женщин, достойных танго!».

Возражений не последовало.

Одесса, Вена, Прага...

Удивительным, впрочем, и закономерным образом пространство одесского оперного театра, возведенного в XIX веке по проекту великих архитекторов Фельнера и Гельмера, в наши дни на Пятом ботвиновском фестивале стало сценой и залом, где звучат и где слушают мелодии, сочиненные композиторами, родившимися в разное время в Австро-Венгерской империи.

Фестиваль открылся 21-м Концертом Моцарта в исполнении французского пианиста Сиприана Кацариса, а через несколько

дней его сочинения играли Цюрихский камерный оркестр и его лидер скрипач Даниэль Хоуп.

Эта империя, поглотившая за несколько веков многие страны Европы и включившая их не только в свое геополитическое, но и культурное пространство, стала местом рождения феномена, обогатившего мировые искусство и литературу. И примеров тому – множество.

В этих заметках упомяну из литераторов лишь великого Франца Кафку: еврей по крови, говоривший и писавший по-немецки, уроженец чешской столицы Праги и гражданин Австро-Венгрии написал свой главный роман «Процесс» о вечных ценностях, о трагических сомнениях и страхах, которые сопутствуют нам, где бы и когда бы мы ни жили...

Схожая биография и у композитора Эрвина Шульхофа, создавшего до начала второй мировой войны немало разножанровых произведений (от неоклассики до модерна и джаза). Закончил жизненный путь в 1942 году в оккупированной фашистами Праге... Его концерт для скрипки, фортепиано и оркестра исполнили Алексей Ботвинов, Даниэль Хоуп и Цюрихский камерный. Первое знакомство с доселе неизвестным нам композитором подарило встречу с личностью сложной, страдающей, взыскующей смысла и истины. Сочинение Шульхофа – воплощение формы концерта, состязания, но на сей раз спорящих трое: скрипка, рояль, оркестр, и у каждого своя правда...

Спустя некоторое время после окончания одесского фестиваля Даниэль Хоуп и Алексей Ботвинов отправились в турне по городам Германии. Играли и в разрушенной во время войны и лишь недавно полностью восстановленной дрезденской церкви Фрауэнкирхе. В программах концертов была и музыка Шульхофа, с которой немецкие слушатели познакомились впервые...

Summertime open air

«Летнею порой на открытом воздухе» – так можно перевести с английского фразу, вынесенную в заголовок этого фрагмента моих заметок о Пятом фестивале. По традиции, концерт на свежем воздухе проходит в середине насыщенной программы – является

праздником и для его участников, и для горожан, и для наших гостей, загодя собирающихся на Потемкинской лестнице и на площадке у Дюка в ожидании того, когда начнет темнеть, спадет жара, и на площадку выйдут организаторы фестиваля и артисты.

Так было и на сей раз. Замечу, что это событие и пафосное, и лирическое, и, несомненно, самое яркое из того, что происходит в концертных и театральных залах, запоминается более всего как символ праздника высокой музыки в большом морском городе с богатыми культурными традициями.

Но вернемся к заголовку. Действительно, при всем разнообразии и высоком классе программы концерта музыка Джорджа Гершвина стала особым подарком, который приготовили для нас Даниэль Хоуп, Алексей Ботвинов и Цюрихский камерный оркестр. Дело в том, что за право считаться родиной предков Гершвина сражаются страны и города, а накал страстей сравним с тем, с которым полисы древней Эллады спорили, где родился Гомер.

Одесса даже указана в нашей Википедии, но ее белорусский вариант называет одно из тамошних местечек. Разумеется, ни Ботвинов, ни я не сомневаемся в справедливости уверенности маэстро Даниэля в том, что пароход с патриархами рода Гершвинов отчалил по направлению к США именно от того причала одесского порта, который и сегодня виден с концертной площадки, где уже зазвучала сюита из вечнозеленых мелодий классика американской и мировой музыки.

И среди них – «Summertime», колыбельная Клары из оперы «Порги и Бесс», созданной Гершвином в 1936 году. И именно летнею порой, а не летом, уже пятый год открывается наш фестиваль. Нынешний, кроме всего прочего, и яркого, и креативного, ознаменовался еще и тем, что Алексей Ботвинов впервые в своей исполнительской деятельности играл джаз! А ведь я помню, как зарекался он в юности, да и позднее... Но сегодня признался, что испытал и драйв и удовольствие, свингуя (пусть и сдержанно – все же это опера!), в дуэте с Даниэлем Хоупом, чья скрипка напомнила мне вечер в культовом нью-йоркском джазовом клубе «Блю нот», где «Summertime» играл великий Стефан Грапелли.

В этот теплый летний вечер все мы – и Алексей, и Даниэль, и виртуозы Цюрихского камерного оркестра, и победившая

в конкурсе юных пианистов Мария-Луиза, и те, кто заполнил гигантский амфитеатр Потемкинской лестницы и площадку перед Дюком, с полным правом и удовольствием кто вслух, кто в мыслях, повторяли вслед за Джорджем Гершвином, нашим несомненным земляком, мантру: «I got rhythm!» – «У меня есть ритм!». И вновь я удивился пронизательности и музыкальности Михаила Жванецкого, который однажды заметил, что в Одессе морские волны накатываются на берег в ритме блюза.

Одесский порт лучи простер... В потемневшем небе жужжал знакомый с первого фестиваля дрон, можно сказать, прикормленный и почти ручной. Судя по всему, способный и самообучающийся, приохотившийся за пять лет к музыке и уже имеющий свои пристрастия, что было заметно, когда он внезапно замирал над темпераментной цюрихской контрабасисткой, задававшей ритм своим коллегам.

...А утром мы увидели отснятые им фотографии в репортажах с концерта на Потемкинской лестнице, и многие узнали на них себя.

Июньский Майский

Завершал фестиваль всемирно известный виолончелист с фамилией, похожей на псевдоним, и именем, приличествующем скорее его самому младшему – трехлетнему – сыну. Старшие – пианистка Лиля и скрипач Саша – составили с отцом «Майски трио» и поделили программу концерта в филармонии на Рахманинова и Чайковского.

Виолончель лидера говорила и пела мужским голосом, что я, достаточно искушенный меломан, услышал впервые, хотя и знал, что так бывает, но очень редко. В полной мере – до восхищения и смятения – мы прочувствовали это, когда Миша Майский в дуэте с фортепиано играл цикл, состоящий из инструментальных пьес и романсов Сергея Рахманинова, среди которых был и написанный композитором на слова Пушкина: «Не пой, красавица, при мне...», заставивший нас вздрогнуть и вновь услышать голос незабвенного Дмитрия Хворостовского, звучавший в зале нашего оперного несколько лет назад.

Трио Миши Майского:завершало программу фестиваля

Последним сочинением, прозвучавшим на Пятом фестивале, было большое трио Петра Чайковского «Памяти великого артиста», исполненное Майским и его партнерами. Знаменательно, что оно и в прошлом году завершало этот праздник, разумеется, с другими исполнителями, но тоже – под благодарные аплодисменты слушателей.

А на следующее утро Алексей Ботвинов, Елена Зозуля и их команда начали подготовку к Шестому фестивалю, который, по традиции, начнется в начале июня.

Благодарим Николая Вдовенко за снимки с концертов фестиваля

